

ФРАНК БАРШ:

«ЧИТАТЕЛЬ, Я ТЕБЯ НЕ ЗАМЕЧАЮ»

Читательские аудитории в разных странах похожи: есть основная масса, ориентированная на детективы и женские романы – эти люди покупают книги в мягких обложках, чтобы прочесть в транспорте и потом выбросить. Есть интеллектуальная прослойка, которая читает нон-фикшен, переводную литературу, серьезные книги. В этом смысле в Германии все то же самое, что и в России.

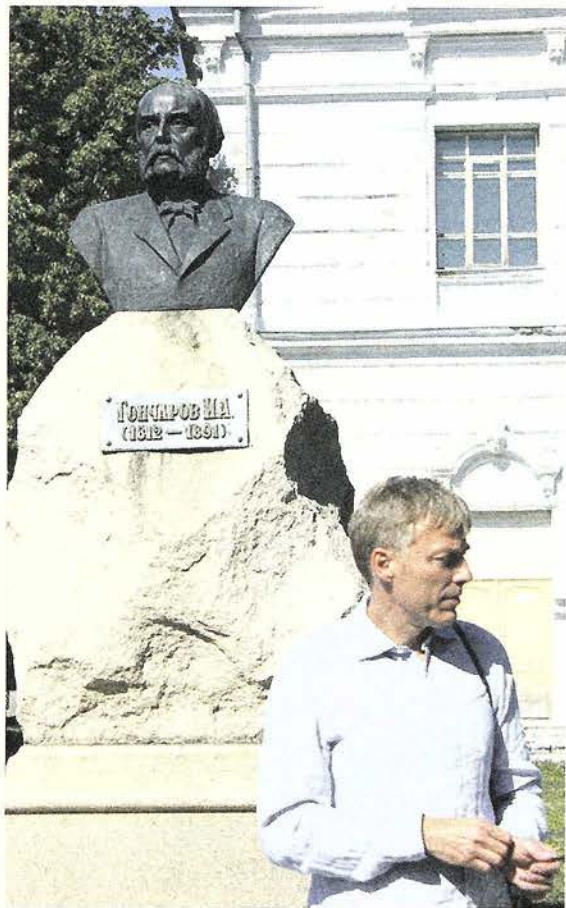
Франк Барш приезжал в Ульяновск в августе, когда здесь проходили Дни Германии. Это интервью было записано перед публичной дискуссией с его участием. Она была посвящена тому, как ведут себя писатели и читатели на рынке литературы и можно ли запрограммировать их «точку встречи».

Франк Барш – немецкий писатель из Гейдельберга, Литературного города ЮНЕСКО, что роднит этот город с Ульяновском. Он изучал литературу в университете Гейдельберга, третьем по значимости университете Европы, последние десять лет преподает в университетах Гейдельберга, Мангейма и Ландау литературу и немецкий язык, а также теорию художественного письма, теорию педагогики и обучения. Помимо преподавания, пишет и публикует романы, стихи, радиопьесы, занимается теорией литературы и издательского дела, говорит, что ему интересно, что происходит в голове у писателя и читателя. Барш знает, как написать «успешный» роман, но говорит, что слава его больше не интересует: отныне он следует не за читателем, а за своим героем, идет туда, куда ведет его роман.

– Много ли, по-вашему, изменилось в теории литературы, скажем, с XIX века, когда великие писатели писали великие романы?

– Полагаю, немного изменилось даже со времен античной риторики, с Аристофана, но изменилась точка зрения на литературу, появилась теория текста и понимания. Эти вещи неразрывно связаны между собой, а также с тем, как человек понимает язык. Вот здесь произошло мно-

го изменений, разработана теория восприятия. Сторонники этой теории пытаются понять, как люди воспринимают литературу, как она развивалась на протяжении сотен лет, в чем состоит прогресс в литературе и как читатель реагирует на происходящие в ней процессы, какова связь между автором и читателем, как они влияют друг на друга. Все это нужно, чтобы искать новые способы выражения и понимания.

– Когда вы пишете, держите ли вы в голове своего читателя с его потребностями?

– Трудно этого не делать. В университетах Германии есть курсы писательского мастерства. И там в основном учат ориентироваться на запрос читательской аудитории: что хочет знать читатель, что он любит, как написать книгу, которая будет пользоваться успехом у читателей. Я проходил такие курсы и знаком с концепцией, ориентированной на читателя. Но в последние годы я стараюсь об этом не думать. Когда забываешь об аудитории, пишется свободнее. Но это не значит, что читатель «исчезает», он есть, просто я говорю: я пока тебя не замечаю.

– Есть ли у вас писательская дисциплина: встать пораньше, «выписать» свою норму, работать каждый день, чтобы ни дня без строчки?

– Как правило, да, поэтому я похож на человека, который приходит утром в офис и отработывает восьмичасовой рабочий день. Но у меня есть вещи в жанре путешествий, а их нельзя написать не путешествуя: пишешь в пути, описывая места и ситуации. Мне нравится писать в поез-

де, в автобусе или в самолете. В пути рождаются идеи, отличные от тех, которые к тебе приходят, когда ты работаешь у себя дома за письменным столом. Но в конце концов все равно возвращаешься за свой письменный стол и работаешь, как все прочие. Я путешествовал по Италии, Бельгии, Литве и три-четыре повести написал, путешествуя по Германии. Когда пала Берлинская стена, я сказал себе: надо срочно ехать и писать.

– Как все это устроено в рыночной экономике, где литературное произведение является товаром? Вас послало в Италию издательство с заданием написать книгу рассказов о путешествии?

– В этом случае не было никаких экономических соображений. Это был опыт самоисследования: поехать, взглянуть на себя, записать то, что увидел. Понять, что с тобой происходит, когда сталкиваешься с другой культурой, другими людьми, со стереотипами, с литературой страны. Я совсем не думал о деньгах и издательском контракте.

Однажды я решил, что надо написать что-нибудь «для рынка». Я начал писать детектив, но в процессе работы он начал развиваться в другом направлении. Мой герой – частный сыщик, который исследует город, и этот город – Гейдельберг. В какой-то момент роман перестал быть просто детективной историей. На работу ушло три-четыре года. Сразу найти издателя тогда не удалось. Потом один из издателей случайно прослышал о моей книге, прочитал ее и предложил опубликовать, но при этом написать на обложке – «детективный роман», чтобы продать больше экземпляров.

– Как отреагировала критика?

– Для критиков в романе не было ничего особенного, они восприняли его как пародию на детектив, рассчитанную на «высоколобого» читателя. Но когда роман попал в книжные магазины, возникла проблема – на какую полку его поставить? Это не детектив в чистом виде, но и на полке нон-фикшн он не вполне уместен. Так что в денежном отношении мой роман можно, пожалуй, назвать катастрофой.

Четверть всей литературы на книжном рынке в Германии – это криминальные детективы. Ожидания читателей и продавцов настолько стереотипны, что моему роману просто не нашлось подходящего места на

рынке. Сегодня, когда приходишь на телевидение с идеей фильма или передачи, тебе говорят: хорошо, но давайте сделаем из этого детективную историю. Любая тема упаковывается в обертку детектива, вот я и думаю: как эта тенденция отражается на общественном сознании? На нашем телевидении после восьми вечера идут одни детективы. В книгах – жестокость, паранойя, ожидание расплаты, и я думаю – как это сказывается на читателе?

Рост потребления криминальной литературы и телепередач отмечается с 1990-х годов. Думаю, что ничего хорошего тут нет. Если каждый день видеть и читать о преступлениях, полицейских, государственном контроле, наказании, то в головах людей могут произойти качественные перемены.

– Немцев заботит такая тенденция? Они вообще о ней знают?

– Мне кажется, они об этом не думают. Бизнес идет успешно, поэтому никто не хочет ему навредить. Я недавно написал книжку страниц на сто, но не могу найти издателя, потому что это не детектив.

– Неужели в Германии нет интеллектуалов, которые видят, что происходит? Они могли бы обратиться к нации, поднять тревогу, призвать остановиться и подумать...

– Общество разделено на группы, которые друг с другом почти не пересекаются. Есть высокоинтеллектуальная ниша и есть авторы детективов, которые зарабатывают деньги, и между ними практически нет связи. Детективы получают более агрессивную маркетинговую поддержку по сравнению с другой литературой: «Мы – настоящая литература, другие не соприкасаются с грязью, они не знают жизни, а мы заглядываем в темные углы общества».

Я занимался этим вопросом и вот к чему пришел: если в обществе было много жестокости, например, если страна вела войну, в том числе гражданскую, то здесь не читают детективов и прочих страшилок, потому что этого хватало в жизни. Чем выше уровень развития общества, чем оно безопаснее, тем больше в нем читают детективы. Некоторые говорят, тут дело в катарсисе, психологическом «очищении», но я в это не верю. Что такого случилось с обществом, что людям разом понадобилось очищение? А если дело не в этом, то в чем?

– Как называется ваш главный детективный роман, который вам захотелось написать «для рынка», но для которого не нашлось полки в магазине?

– «В начале была ночь». А имя главного героя – Вольф Аппиц. Он зарабатывает на жизнь частными расследованиями и вовлекается в историю, которая уводит его в прошлое. Он не сознает, что у него одновременно есть два клиента и что они связаны между собой. События принимают катастрофический характер, он оказывается в тюрьме. С этого и начинается роман: герой сидит и думает, как выбраться из тюрьмы, и для этого он рассказывает свою историю. И читатель не знает, то ли он говорит правду, то ли сочиняет эту историю, чтобы выйти из тюрьмы.

– Можно предположить, что ваш читатель – продвинутый интеллигент?

– Да, как и мой герой. Он тоже интеллигент. И мне нужна эта «маска» интеллигента. Он носится по городу и пропускает через голову все, что видит. Я не могу написать все эти вещи от своего имени, но, спрятавшись за этой маской, я могу сделать все что угодно.

– Что вы пишете для радио?

– Это более поэтические вещи, где я пытаюсь выйти на границу музыки и языка. Между словами есть внутренняя связь, и я хочу выявить ее через звучание. Кое-что я начитываю сам, но предпочитаю, когда это делают профессиональные актеры.

– Насколько вы знамениты у себя дома?

– Совсем не знаменит. Я и книжный рынок – это как-то плохо совмещается. Может быть, на то есть психологические причины.

– Но вы бы хотели быть более востребованным на рынке?

– Я только что закончил новую книгу. Я взял кое-что из Гейне и перенес в настоящее время. Гейне – непростой писатель и мыслитель, но, мне кажется, у меня получилось поместить глобальные проблемы в современный немецкий контекст. Хотелось бы, чтобы это прочитало как можно больше людей, потому что у меня есть что им сказать. Но в реальной жизни иногда не удается продать больше 500 экземпляров.

– Если бы вам сказали: «Делай то, что делаешь, и через сорок лет будешь очень популярным, и не

только в Германии» – стали бы вы продолжать писать?

– Вот это самое мне сказал один мой друг, которому я посылал эту книгу. Он мне говорит: «Заканчивай ее, и можешь помирать, ты уже все сказал». – «Но я хочу жить, мне нужны деньги!» – «Забудь! Не думай о деньгах. Ты написал такую книгу. Ты прославился после смерти».

– Вас согревают эти мысли?

– Не слишком.

– Итак, рынок требует детективов. Планируете ли вы их писать? Хотите ли? Есть ли на книжном рынке иная ниша, куда вы могли бы встроиться?

– Мой роман о частном детективе не был детективным романом, как я его себе представляю. Второй раз чего-то подобного я бы писать не стал. У меня есть свой литературный герой, который мне очень симпатичен, и я подумываю о втором романе, но в другом жанре. Это будет роман-пародия, совершенно безумная вещь. Есть очень плодотворная тема искусственного интеллекта. Один из последних эпизодов сериала «Карточный дом» написан компьютером, но этого никто не понял. Компьютер не может создавать новых героев, закладывать драматические конфликты, а вот диалоги писать может, и никто не замечает подмены. Мне стало интересно, что будет, когда искусственный интеллект научится создавать литературу? Не то что я этого боюсь, но писатели должны об этом задумываться. Если компьютер может взять на себя писательскую работу, что остается автору? Что-то, что писатель умеет делать лучше компьютера. Мне нравится эта идея.

С другой стороны, есть читательская аудитория. Она состоит из людей, которые пользуются «Фейсбуком» и «Гуглом». Что из себя представляет читатель литературы? Можно взять конкретного человека и собрать о нем полную информацию на основе его поведения в Интернете: что он любит, чего хочет, что и как читает, в какое время суток. А потом отдать эту информацию компьютеру, и он напишет книгу специально для этого человека! Я не совсем понимаю, как это устроено, в этих программах есть алгоритм глубинного самообучения. Я говорил об этом с разными людьми в издательском бизнесе, может так случиться, мы увидим нечто подобное еще при нашей жизни.

– Приходишь в частное издательство и говоришь: напишите мне роман, действие которого происходит в таком-то веке в таком-то месте, и я в нем хочу быть таким-то героем...

– Например. А можно написать книгу для кого-то, кто даже не подозревает, что эта книга предназначена специально для него.

– Но можно ли назвать это литературой? Там, где искусственный интеллект вторгается в процесс творчества, которое уникально, там кончается литература, разве нет?

– Вопрос в том, является ли продукт нашего творчества уникальным. Может быть, мы не настолько уникальны, как нам кажется? Полагаю, люди во всем мире похожи друг на друга.

– При этом каждый год в литературе появляются новые имена, и это очень хорошие писатели. Кто-то жалуется, что стало нечего читать, но я думаю, что интересных авторов огромное множество по обеим сторонам Атлантики и на Востоке. Литература не стоит на месте.

– Да, но в некоторых отраслях компьютеры берут на себя функции людей в определенных контекстах – компьютеры могут собирать новости, создавать тексты о ситуации на дорогах, прогнозы погоды, биржевые сводки. Здесь человек уже не нужен, можно сэкономить деньги.

– Если до этого дойдет дело, то, мне кажется, такие книги надо будет помечать: «Текст, созданный компьютером». И тогда я буду к нему относиться соответствующим образом. Скорее всего, я такую книгу не куплю, потому что предпочитаю «живого» писателя.

– Но рынок уже продвинулся в эту сторону. Есть шотландский писатель Иэн Рэнкин, который в год выпускает по два толстых романа. Начинаешь разбираться, и оказывается, что за этим именем стоит команда писателей, что это уже не человек, а проект. Это как в мастерской у средневекового живописца – один ученик пишет руку, другой ногу и так далее. Это уже ремесло. Это нормально, но чем это принципиально отличается от компьютера? Это тема на ближайшее десятилетие.

Сергей Гогин

Фото автора